Ильф и Петров, раздача слонов: обмен сувенирами. Гостям — казацкую сорочку-вышиванку и сборник украинских песен, гуцульскую тросточку и сопилку, дамский резной браслет и т. д., нам — книги Стейнбека. Принесли несколько больших стопок книг. Надписывал их автор весело:

— Писать автографы легче, чем романы, — шутил он.

Когда очередь дошла до меня, Стейнбек сказал переводчице:

— Ему, наверное, хочется получить «Путешествие с Чарли...»?

Дело в том, что еще накануне, когда я представился ему в качестве собственного корреспондента «Литературной газеты» по Украине и попросил ответить на несколько вопросов редакции, я не удержался и стал расхваливать его последнюю книгу «Путешествие с Чарли в поисках Америки», которую с огромным наслаждением прочитал, кажется, в «Иностранной литературе». По юмору она мне напомнила Джером К. Джерома, но у того «Трое в лодке (не считая собаки)», а у Стейнбека путешествие вроде в одиночестве, но собака не случайно выведена за скобки, ибо Чарли после самого автора — второй полноправный герой веселой и поучительной книги.

Когда Стейнбеку перевели мой панегирик, он широко улыбнулся и почему-то хлопнул меня по плечу:

— Мне тоже нравится моя книга. Я ее тоже люблю. И очень любил Чарли.

Он вздохнул:

— Недавно я похоронил свою любимую собаку...,

Стали в стопке искать «Путешествие с Чарли...», но этой книги уже не оказалось — разобрали. Мне достался «Квартал Тортилья-Флэт», ранняя повесть, еще довоенная, но изданная не так давно в серии произведений Нобелевских лауреатов.

— Тоже не такая уж плохая книга, — уловив, наверное, некоторое разочарование на моем лице, подмигнул он: — И как-никак все-таки Стейнбек!

Мы так успели привыкнуть к постоянным его шуткам и остротам, что когда веселость сменялась иногда грустью, становилось не по себе. Готовя репортаж для редакции, я очень хотел передать именно это его переменчивое состояние, его какой-то особый прищур глаз, которые все видят, его обаятельную улыбку чуть усталого, много повидавшего на своем веку человека, который все понимает...

Он охотно ответил на несколько моих вопросов, в частности, относительно того, каким ему видится будущее романа, как жанра. В те годы об этом немало спорили, некоторые считали, что в век НТР роман неизбежно погибнет, никто, дескать, не будет читать толстые фолианты. Точка зрения Стейнбека оказалась предельно однозначной:

— Когда романист стареет или у него по какой-то иной причине исчезают мысли и чувства, тогда роман умирает. У этого автора. Но все равно появляется другой автор — и роман возрождается. О смерти этого жанра твердит тот, кто сам сходит со сцены. Для настоящего романиста важно иметь, что сказать людям. И уметь сказать. **Что** сказать и **как** — вот вам и весь секрет...

Интересно рассуждал Стейнбек на старую тему — писатель и журналист. Известно, что многие крупные романисты начинали когда-то как газетные репортеры. Одна профессия переходит в другую, иногда они сливаются и существуют в одном человеке одновременно, одним словом, тут много общего, но не так все просто... Вот мнение на сей счет Стейнбека, много лет отдавшего журналистике:

— В Европе на журналиста смотрят как на второсортного или даже третьесортного писателя. Для европейца, стремящегося стать беллетристом, «журналист» — бранное слово. В Америке же, напротив, журналистика не просто является уважаемой профессией: она считается необходимой ступенькой профессиональной карьеры любого достаточно крупного американского автора. Дисциплина газетного труда, требующая от писателя ясности и простоты в изложении, не только не рассматривается как некий вульгарный ограничитель, но с полным основанием ценится за то, что помогает избавиться от безвкусной цветистости, которой грешат ранние работы большинства начинающих писателей. Помимо дисциплины, работа газетчика имеет и другие преимущества. Она отправляет писателя в народную гущу, чтобы он все увидел, услышал, понял, а затем рассказал об этом самым разным людям самого различного уровня.

Эти слова мудрого американского художника давно выношены и подтверждены собственным опытом. Он много ездит по стране. Инкогнито, не выдавая себя как писателя, останавливаясь в придорожных мотелях и кемпингах. Собственно, так родилось «Путешествие с Чарли в поисках Америки». В общем-то он открывал Америку всю свою жизнь и во всех своих произведениях, выражаясь его языком, «с любопытством, нетерпением, некоторым раздражением и страстной любовью к Америке и американцам».

О себе он говорил, что для него писание — как дыхание. Необходимость. Как он пишет? Трудно сказать. Разве можно передать словами, как человек дышит, почему и для чего. Он очень много читает, практически все подряд, в том числе детективы, комиксы, юмор, но это, очевидно, для отдыха. Больше всего читает книги исторические. Уверен, что без досконального знания истории нельзя быть настоящим писателем. И снова возвратился к той своей страсти, без которой немыслимо по его мнению писательство, — поездки, путешествия. Очень доволен, что вторично приехал в Киев. Благодарит за невиданное гостеприимство, ни он, ни супруга, миссис Эйлин, даже не представляли себе, что такое возможно...

Вот такой примерно был разговор, и редакционное задание удалось выполнить в срок. Автор старался. Оказалось, правда, что напрасно. В свежем номере я своего репортажа не нашел. Хочу здесь привести выдержки... нет-нет, не пугайтесь, не из непошедшего почему-то репортажа. Приведу выдержки из своей иронической заметки по поводу всей этой истории, которую я написал для нашей редакционной стенгазеты (в редакциях тоже, как в любом советском учреждении, должна была выходить своя стенгазетка). Итак:

«Джон Стейнбек о самом главном.

Он ходил по комнате, высокий, несколько грузноватый человек, чьи книги живут во всех уголках мира. Он ходил по комнате, не вынимая изо рта трубки (позже, перед самым отъездом из Киева, он подарит трубку вместе с кисетом Виктору Некрасову — но об этом я не писал в репортаже, экономя дорогое место). Он ходил, тяжело опираясь на черную суковатую палку.

— Вы уже больше недели находитесь в нашей стране, — сказал я. — Не могли бы вы рассказать о главных своих впечатлениях?

Стейнбек остановился и внимательно посмотрел на меня:

— Хотите знать, что поразило меня больше всего?

Он сильно затянулся и, стараясь скрыть волнение, произнес:

— «Литературная газета»! То, как она быстро и щедро отразила мое пребывание в Киеве... »

Так, с довольно горьковатой иронией начал я свою пародийную заметку, а затем, всласть поехидничав, закончил ее следующим образом:

«...После такой длинной тирады Стейнбек, наконец, вынул изо рта трубку. Еще раз прищурился. И сказал, глядя прямо в глаза:

— Понятно?

— Ferstehen! — ответил я на чистом иностранном языке. И добавил на родном: — Не хотите ли передать что-либо читателям «Литературной газеты»?

— Читателям? — переспросил автор «Зимы тревоги нашей». — Читателям пока нет. А секретариату вашей газеты — мой большой и пламенный привет.

И бросил палку... »

Из напечатанного выше нетрудно догадаться, что мой репортаж так и не вышел. Ни в очередном, ни в следующих номерах. Но напрасно я грешил на наш секретариат. Газета не при чем. Почти вся центральная печать в день приезда выдающегося писателя дружно сообщила об этом факте информацией и фотографией. Было такое впечатление, что интерес к визиту будет нарастать по восходящей, но за исключением, кажется, только «Известий», давших целый четырехполосный «стояк», дело ограничилось небольшими «фитюльками». В чем же дело? Такая крупная литературная величина, свежий Нобелевский лауреат...

Уже потом, в Москве, я узнал, что у Стейнбека были серьезные намерения, что его поездка планировалась как важная миссия доброй воли, что чуть ли не сам президент США, его тезка Кеннеди напутствовал романиста, что тот надеялся на встречу чуть ли не с самим Хрущевым... Ничего не получилось. Видимо, не понравился при ближайшем рассмотрении. Слишком своенравный и чересчур вольнодумный, что ли. Так или иначе, но встреча на высшем уровне не состоялась, а газетам спустили команду — перестать широко афишировать писателя, подумаешь, Нобелевский лауреат... Открытых нападок, как у нас делается, не было, но информация о встречах писателя была по сути скомкана. Вскоре на произведения Стейнбека наложили табу, исчезли его книги с полок книжных магазинов, из библиотек, из планов издательств, но на это уже была другая причина.

Дело в том, что в середине 60-х годов, когда возник индокитайский конфликт и США начали войну во Вьетнаме, туда неожиданно отправился Стейнбек с намерением написать о том, как воюют американские парни. Весь мир осуждал американскую агрессию (как через десять лет нашу войну в Афганистане), а знаменитый писатель восхищается мужеством своих солдат... Что же случилось с человеком, всю жизнь боровшимся за правду и справедливость? Не понял? Дрогнул? Может быть, частично первое, частично второе, но причина была чисто человеческая и заключалась, пожалуй, в том, что оба любимых сына Стейнбека оказались на индокитайском фронте, в самом, что называется, пекле. И именно это обстоятельство на какое-то время как бы ослепило писателя. Конечно, он был не прав. И даже сам с горечью напишет: «нет никакой возможности превратить вьетнамскую войну в благородное начинание». Но при чем тут его прежние прекрасные книги, которые выдержали испытание временем и навсегда остались в сокровищнице мировой литературы? И зачем прятать их от наших читателей?

Много лет произведения этого автора пролежали у нас под замком, имя его не упоминалось. Вот, собственно, почему на столь длительный срок растянулся мой рассказ о приезде Джона Стейнбека в Киев. Напомнил же мне эту историю такой случай. Летом прошлого года я ездил в командировку в Париж с тем, чтобы перевезти в Киев часть литературного архива нашего славного земляка Виктора Некрасова. В длинном перечне некрасовских выступлений по радиостанции «Свобода» в 1983 году обратил внимание на название «Веселый старик»: почему-то екнуло вдруг — не о Стейнбеке ли передача? Прочитал текст — он самый. Известно, что участники и свидетели любого события, как правило, воспринимают и видят его неодинаково, каждый по-своему. На этом, между прочим, построена не одна пьеса и не один кинофильм. Вот и тут — рассказ о том же событии, но, как говорится, несколько с другой стороны. Впрочем, оба варианта вовсе не исключают друг друга, скорее — дополняют. И еще следует иметь в виду, что в отличие от меня, который восстанавливал события, опираясь на подробные собственноручные записи, Виктор Платонович писал исключительно по памяти. Итак...

«ВЕСЕЛЫЙ СТАРИК

Приехал в Киев Джон Стейнбек. Не помню уже точно, в каком году, 63-м или 64-м, помню только, что в самый разгар моих партийных дел. Писатель он был всемирно знаменитый, у нас издававшийся и переиздававшийся, и, само собой разумеется, устроен ему был в Союзе писателей торжественный прием. Меня, естественно, на него не пригласили.

В этот день, помню, провожал кого-то на аэродроме. Вернулся домой и мне говорят: тебе уже раз десять звонили из Союза писателей. Просили, как только приедешь, чтобы сразу же позвонил. А ну его, — решил я, чего я им буду звонить, очевидно, очередная головомойка. И в этот момент зазвонил телефон. «Виктор Платонович, — взволнованно-испуганным голосом говорил на том конце провода некто Игорь, ведавший в Союзе иностранными гостями, — я сейчас за вами заеду, вас уже ищут тут по всему городу». — «А что приключилось?» — «Заеду — расскажу».

Через пять минут (Союз в двух шагах от моего дома) запыхавшийся Игорь сообщил мне, почему-то понизив голос, что в Союзе сейчас принимают Стейнбека и что тот заявил, что не уйдет, пока ему не покажут живого Некрасова. По имеющимся у него сведениям, я арестован. Все в панике, гонцы разосланы во все забегаловки и пивные точки города...

Сели, поехали.

Когда я вошел в зал, в котором обычно устраиваются панихиды по умершим писателям, память о которых навсегда сохранится в наших сердцах, я увидел следующую картину. За длинным столом, на том месте, где обычно стоит гроб, расположилось все начальство при всех орденах и регалиях и среди них, посередине, знатный гость — седой, вostроглазый, с небольшой бородкой клинышком. Рядом с ним переводчица. На столе батарея бутылок отменных коньяков и всякого рода телятина и белорыбица. Вдоль стен — сидя и стоя — писатели второго сорта. Лица у всех напряженно-усталые — сидят уже третий час. Все, что положено, уже сказано и спрошено, говорить больше нечего. Всеобщее томление. Даже коньяки не лезут в глотку.

Мое появление в дверях вызвало легкое оживление и вздох облегчения у начальства.

— Ну вот и он, — сменив на лице тоску на фальшивую радость, бодро сказал Юрий Збанацкий, секретарь парткома, Герой Советского Союза. — Жив-здоров, загорелый, полон сил.

— Вот и прекрасно, — сказал, приподымаясь со стула, Стейнбек. — Как всегда, буржуазная, продажная пресса села в лужу, — он хитро улыбнулся и подмигнул мне. — По этому случаю мы с виновником всеобщего волнения пойдем в ресторан, поговорим по душам...

Начальство переглянулось. Стейнбек замахал руками.

— Не-не-не, я вас всех уже утомил, идите по домам, к женам, детям, а мы с Некрасовым... — он глянул на меня. — Вы, надеюсь, не возражаете?

Нет, я отнюдь не возразил, и мы со знатным гостем, провожаемые всем начальством, спустились по лестнице, сели в машину и поехали. Начальство приветственно махало нам руками. Давно я не видел таких милых улыбок на их лицах.

Поехали мы — Стейнбек, переводчица и я — в гостиницу «Москва», где они остановились, сели за приготовленный уже в ресторане столик, и тут переводчица, шепотом мне сказала: «Учтите, он любит пить, постарайтесь его сдерживать, ему много нельзя...»

Скажу прямо — я не сдерживал его. И выпили мы не много, но все же порядочно. Говорил больше он. Жаловался на то, что никак между нашими странами не налаживается дружба, что приехал он со специальной миссией от Кеннеди, что должен встретиться с Хрущевым и верит, что тот поймет, как важно нам не только торговать, но и дружить. Литературных тем почти не касались. Довольно скоро его развезло и переводчица стала мне усиленно подмигивать — пора, мол, закругляться.

Я попытался начать откланиваться, да не тут-то было, Стейнбеку захотелось, чтобы переводчица рассказала мне, как он был принят Корнейчуком.

История эта оказалась настолько забавной, что после нее пришлось еще раз пропустить по рюмочке, на этот раз уже последней.

Сама давясь от хохота, переводчица поведала мне следующее.

Принят был Стейнбек на даче у Корнейчука со всеми почестями. Стол ломился от яств и напитков, хозяин был приветлив и любезен и много рассказывал заморскому гостю о превосходстве нашей системы над миром капитализма. Начинал он все свои фразы приблизительно так: «Это я вам говорю со всей ответственностью, как вице-президент Всемирного Совета мира...» — «Как секретарь Союза писателей, могу вам сказать...» — «Будучи Председателем Верховного Совета Украины, не могу скрыть от вас...» — «У нас в Академии наук, а я член обеих академий, и украинской, и всесоюзной, был такой случай...» — «В бытность мою министром иностранных дел УССР, я однажды столкнулся...» — «Как члену Комитета по Сталинским премиям, товарищ Сталин мне как-то сказал...»

Стейнбек слушал, слушал, а потом обратился к переводчице:

— Спросите, пожалуйста, у мистера Корнейчука, как вице-председателя Всемирного Совета мира, и секретаря Союза писателей, и Председателя Верховного Совета, и академика обеих Академий, и бывшего министра иностранных дел, и члена Комитета по Сталинским премиям, как мне пройти в уборную?

— И вы так и перевели? — спросил я переводчицу.

— А что мне оставалось делать? Он прислушивался к каждому моему слову, прекрасно улавливал, что я говорю.

— Ну, а Корнейчук?

— Корнейчук? Что ж, показал, где это самое заведение...

На этом прекрасном аккорде наша встреча закончилась. Выпили по последней и разошлись по домам. Под мышкой у меня была книжка с дарственной надписью. Храню до сих пор. Веселый все-таки был старик...

6.4.83 г.

Виктор Некрасов»

...Этим небольшим ироничным эссе Виктора Платоновича хочется завершить наши воспоминания о приезде 30 лет назад в Киев замечательного американского романиста, лауреата Нобелевской премии по литературе 1962 года Джона Стейнбека (1902-1968), одного из самых крупных писателей-гуманистов XX века. А на снимке, который предлагается вниманию читателей «КН», фотокорреспондент Игорь Яицкий запечатлел миг, когда Джон Стейнбек собрался дарить нам свои книги с автографом (справа от гостя сидит Олесь Гончар, за ним Олег Микитенко, слева — переводчица, корреспондент Всесоюзного радио Владимир Соколов и автор этих заметок).

Февраль, 1994 г.

Григорий КИПНИС.